

Завершение первых шагов по реализации Декрета о национализации внешней торговли от 22 апреля 1918 г. связано и с постановлением ВЦИК от 13 ноября 1918 г. о назначении комиссаром НКТиП видного деятеля партии и крупного инженера, члена Президиума ВСНХ Л. Б. Красина. Тогда же был определен и состав коллегии НКТиП, куда, помимо Красина и его заместителя Бронского, вошли А. А. Языков и Ш. З. Элиава.⁶⁷ Наконец, с момента принятия декрета и до исхода 1918 г. Наркомторгпромом был составлен примерный план заготовок экспортных товаров, т. е. по существу первый экспортный план национализированной внешней торговли страны; декретом СНК о консульствах (октябрь 1918 г.) определены функции заграничных представительств НКТиП; стали осуществляться первые экспортно-импортные операции на компенсационных принципах.⁶⁸

Таким образом, время с 22 апреля и до осени 1918 г. можно считать переходным периодом, когда были предприняты меры, обеспечивающие осуществление декларированной национализации внешней торговли на практике. К концу этого периода перестройка была в общих чертах закончена и внешняя торговля страны стала развиваться в соответствии с принципами декрета 22 апреля 1918 г. на социалистических началах.

Ю. С. ТОКАРЕВ

ПРИКАЗ № 1 ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 марта 1917 г. (здесь и далее — старый стиль) — один из важнейших актов Февральской буржуазно-демократической революции. Этот небольшой документ, состоявший всего из 7 пунктов, положил начало слому царских порядков в армии и флоте и утверждению там новых демократических порядков. В частности, приказ предусматривал создание в воинских частях и подразделениях невиданных ни в одной армии мира организаций — выборных солдатских и матросских комитетов. В ведение комитетов передавалось все вооружение воинских частей, причем запрещалась его выдача офицерам «даже по их требованиям». Приказ устанавливал, что «во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам». Закрепляя политические и общегражданские права солдат и матросов, он предо-

⁶⁷ Вестник НКТиП, № 11—12, стр. 45; № 13—14, стр. 37, 79.

⁶⁸ Подробнее см. нашу работу: Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. (Очерки истории становления экономических отношений). Л., 1969, стр. 94—97.

ставлял им активное и пассивное избирательное право в Советы, уравнивал их в отношении всех прав с остальными гражданами, отменял вставание во фронт и отдачу чести вне службы, запрещал унижительное для солдат титулование офицеров («ваше благородие» и т. п.).¹

Хотя приказ № 1 был издан только для Петроградского военного округа, он стал фактически общероссийским актом. Многие Советы рабочих и солдатских депутатов, солдатские и матросские собрания и комитеты принимали постановления, воспроизводившие и развивавшие основные положения приказа. С другой стороны, приказ № 1 вызвал резко враждебное к себе отношение в среде высшего военного командования, в думских и правительственных кругах и вообще у всех, кто видел в демократизации армии угрозу для дальнейшего ведения империалистической войны. Однако конкретное соотношение политических сил во время издания и распространения приказа было таково, что сколько-нибудь существенно воспрепятствовать революционизирующему воздействию приказа на солдатские массы правые элементы не смогли. Что же касается эсеров-меньшевистского руководства Петроградского Совета, которое под напором солдат было вынуждено согласиться на выпуск приказа № 1, то оно вскоре же попыталось загладить свою «вину» путем принятия мер по ограничению применения приказа № 1. Исполком Петроградского Совета в специальных разъяснениях от 5 и 7 марта (получивших названия приказов № 2 и № 3) указал, что приказ № 1 относится только к петроградскому гарнизону, что солдаты обязаны подчиняться всем распоряжениям военных властей, относящимся к военной службе, и что выборы солдатами командиров не должны иметь места.² Эти разъяснения в какой-то степени затормозили солдатское движение, но ввести его в приемлемые для буржуазии рамки не смогли. Революционное творчество солдатских масс, разбуженное приказом № 1, продолжало идти на подъем и сыграло немалую роль в развитии революции.

Огромное революционное значение приказа № 1 предопределило большой интерес к нему советских историков. Этот документ неоднократно анализировался исследователями, и не было бы нужды вновь обращаться к нему, если бы в литературе не имелось расхождений в его источниковедческой оценке. В трудах различных авторов по-разному говорится о составителях проекта приказа, его источниках, ходе обсуждения и принятия и даже содержания.

Некоторые авторы рассматривают приказ № 1 как продукт непосредственного творчества группы солдатских депутатов, возглавлявшейся большевиками, которая продиктовала этот до-

---

¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917 г., 2 марта, № 3.

² Там же, № 6 и 8.

кумент секретарю Совета Н. Д. Соколову, и отрицают какое-либо участие Исполкома в его подготовке.³ В основе таких утверждений лежат воспоминания участников написания приказа А. Н. Падерина и Н. Д. Соколова и очевидца создания документа А. Г. Шляпникова.

Другие исследователи доказывают, что основные положения приказа № 1 были выработаны на пленуме Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 1 марта, который поручил Исполнительному комитету издать приказ по гарнизону в духе этих положений, и что до принятия приказа общим собранием Совета он проходил через Исполком. Такая трактовка истории создания приказа № 1 наиболее подробно дана В. И. Миллером,⁴ который, кроме указанных выше воспоминаний, привлек в качестве источников мемуары А. Д. Садовского и М. И. Скобелева, а также черновик протокола заседания Петроградского Совета 1 марта.

В самом кратком виде описание В. И. Миллером хода выработки и принятия приказа таково. Вопрос о необходимости издания приказа по гарнизону, который закрепил бы новые порядки в армии, был поднят на заседании Совета 1 марта по требованию солдат, возмущенных приказом председателя Временного комитета Государственной думы М. В. Родзянко о возвращении в казармы солдат и офицеров и наведении последними «порядка» в частях.

На собрании с докладом о ходе организации Совета рабочих депутатов, его взаимоотношениях с думским комитетом и военной комиссией Государственной думы выступил Н. Д. Соколов,

---

³ Так, в коллективном труде «Петроградские большевики в Октябрьской революции» (Л., 1957, стр. 23—24) обстоятельства написания приказа изложены следующим образом: «Рядовые депутаты Совета 1 марта 1917 года в ответ на контрреволюционные попытки буржуазии разоружить солдат гарнизона и восстановить в полках старые порядки настойчиво потребовали от Исполкома издать приказ, устанавливающий демократические порядки в воинских частях гарнизона. После пленума Совета группа депутатов-солдат явилась в комнату Исполкома, окружила стол секретаря Исполкома меньшевика Соколова и продиктовала ему от имени Совета „Приказ № 1“ по войскам гарнизона и Балтийского флота. Среди этой группы особенно выделялись большевики А. Н. Падерин и А. Д. Садовский, которые продиктовали Соколову большую часть требований солдат. Меньшевики и эсеры не осмелились открыто воспротивиться изданию этого приказа и вынуждены были опубликовать его 2 марта как постановление Совета». Аналогичную точку зрения высказала Л. Ф. Карамышева (Борьба большевиков за Петроградский Совет (март—октябрь 1917 г.). Л., 1969, стр. 37—38), отметившая, что «приказ был издан, помимо руководящей верхушки Совета», и что «фактическими авторами „Приказа № 1“ были рядовые солдаты. Именно они, обступив Соколова, продиктовали ему текст „Приказа № 1“».

⁴ См.: В. И. Миллер. Начало демократизации старой армии в дни Февральской революции (Заседание Петроградского Совета 1 марта 1917 г. и приказ № 1). История СССР, 1966, № 6, стр. 26—43.

предложивший в заключение такую повестку дня собрания: отношение солдат к офицерам, выдавать ли им оружие; кому подчинены солдаты — Совету или военной комиссии.

В прениях по докладу представители воинских частей резко критиковали думский комитет и его военную комиссию за их попытки разоружения гарнизона и подчинения солдат реакционному офицерству, выступали за создание объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов и передачу ему руководства гарнизоном. Особо острое обсуждение вызвал вопрос об отношении солдат к офицерам. В ряде выступлений приводились факты жестокого обращения офицеров с солдатами, разоблачалось контрреволюционное поведение офицерства во время вооруженного восстания 27—28 февраля и вносились предложения не принимать в воинские части таких офицеров, а заменять их выборными командирами. Некоторые же выступавшие из опасения, что армия окажется без квалифицированного командного состава, высказывались за оставление офицеров в полках на правах инструкторов военного дела. Единодушным требованием солдатских депутатов было лишение офицеров оружия.

Солдатские депутаты настаивали, кроме того, на необходимости предоставить нижним чинам общегражданские права, отменить обращение к ним на «ты» и титулование офицеров («ваше благородие» и т. п.). В выступлениях был поставлен также вопрос о праве солдат на организацию в виде выборных батальонных и ротных комитетов.

Во время прений участник собрания эсер Максим (С. А. Клеванский) внес проект приказа по гарнизону, в котором учитывался ряд пожеланий, высказанных солдатскими представителями. Вслед за этим после выступления еще нескольких депутатов собрание приняло заключительное постановление, названное позднее «Воззванием к гарнизону», в котором предусматривалось следующее: не выдавать офицерам оружия, а передать его в ведение батальонных комитетов; солдатским массам организоваться в Совет рабочих и солдатских депутатов; мнение военной комиссии принимать, поскольку оно не расходится с мнением Совета; в состав военной комиссии делегируются солдатские депутаты; Исполнительному комитету принять, согласно этим решениям, приказ и немедленно разослать его по гарнизону. Избранным на собрании десяти членам Исполкома от солдат поручалось редактирование этих предложений.

Следующий этап подготовки приказа проходил в Исполкоме, куда явились вновь избранные его члены от солдатской части. Там при неполном составе было принято решение объединить внесенные на собрании Совета предложения и оформить их в виде приказа, составление и редактирование которого поручалось комиссии из тех же членов Исполкома от солдат. По выполнении своей задачи (приказ был написан Н. Д. Соколовым под диктовку членов комиссии) комиссия предъявила текст доку-

мента Исполкому, который утвердил его и предложил провести приказ через Совет. Совет единодушно принял приказ.

Примерно такое же описание хода выработки и принятия приказа № 1 содержится в монографии Э. Н. Бурджалова «Вторая русская революция», в которой автор основывался на тех же источниках, что и В. И. Миллер, но дополнительно привлек воспоминания А. И. Тарасова-Родионова.⁵ В качестве общего вывода об авторстве приказа Э. Н. Бурджалов констатировал следующее: члены комиссии по подготовке приказа не составили какой-то новый документ, а лишь оформили в виде приказа постановление, уже принятое Советом; коллективным автором приказа № 1 явился Совет, этот исторический документ был поистине продуктом народного творчества.⁶

Что же можно сказать по поводу этих двух точек зрения относительно создания приказа № 1? Первая из них, согласно которой приказ был выработан группой солдатских депутатов без какого-либо участия Исполнительного комитета, неполно и неточно воспроизводит картину появления данного документа. Авторы основывают свои выводы не на всей совокупности источников о приказе № 1, а только на их небольшой части — на тех описаниях составления текста приказа, которые содержатся в воспоминаниях А. Г. Шляпникова и некоторых других мемуаристов. При этом и из мемуаров берутся лишь те места, где речь идет о написании приказа (сидящий за столом Н. Д. Соколов под диктовку группы солдат пункт за пунктом записывает содержание приказа). Свидетельства же мемуаристов об обсуждении солдатских вопросов на пленуме Совета 1 марта и прохождении приказа через Исполком во внимание не принимаются. Не учитываются также черновик протокола заседания Совета 1 марта и отчет о нем, помещенный в газете «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» от 2 марта, из которых видно, что Совет принял на основе солдатских предложений заключительное постановление, близкое по содержанию к приказу № 1.

Тезис о неучастии руководства Петроградского Совета в создании приказа № 1 сторонники рассматриваемой точки зрения подкрепляют ссылками на соответствующие высказывания соглашательских деятелей Исполнительного комитета.⁷ Между тем такие свидетельства требуют сугубо критического отношения. Дело в том, что эсеро-меньшевистские лидеры Петроградского Совета под влиянием обструкции приказа № 1 со стороны пра-

⁵ Э. Н. Бурджалов. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967, стр. 293—301.

⁶ Там же, стр. 297.

⁷ Например, Л. Ф. Карамышева (Борьба большевиков за Петроградский Совет, стр. 38) приводит заявление Ю. М. Стеклова на Всероссийском совещании Советов о том, что «большинство членов Исполкома узнало о „Приказе № 1“ после того, как его уже напечатали».

вых кругов изображали появление этого документа тенденциозно. Пытаясь отвести от себя обвинения в «разложении армии», якобы внесенного приказом, они всячески доказывали свою непричастность к его выработке.

В этом отношении весьма показательна «Справка о приказе № 1», опубликованная от имени Исполкома в «Известиях» от 23 июля 1917 г. В ней указывалось, что «ни Исполнительный комитет, как таковой, ни отдельные его члены (как это видно из протокола заседания, напечатанного в «Известиях» от 2 марта) не вносили в собрание ни целого проекта приказа, ни даже проекта отдельных его пунктов... Автором приказа явилось пленарное собрание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, единственного тогда органа революционной демократии». Стоит, однако, сравнить это утверждение с черновиком протокола заседания Совета 1 марта, чтобы стало ясным, что оно далеко не соответствует истине. В черновике содержатся сведения о том, что выступившие на заседании члены Исполкома меньшевик Н. С. Чхеидзе (председатель Совета), внефракционный социал-демократ Н. Д. Соколов, эсер Ю. А. Кудрявцев, меньшевик-интернационалист Ф. Ф. Линде внесли предложения по вопросам, получившим отражение в приказе № 1 (о выборах солдат в Совет, об одновременном подчинении гарнизона Совету и военной комиссии Государственной думы, о создании батальонных и ротных комитетов, об отмене отдачи чести вне строя и др.).⁸

Участие членов Исполнительного комитета в подготовке приказа № 1 выразилось также в обсуждении ими проекта приказа на заседании Исполкома 1 марта, которое проходило параллельно пленуму Совета. Протокол этого заседания не сохранился, и вероятнее всего он совсем не велся, но ход рассмотрения Исполкомом вопроса о приказе освещен в совпадающих в основных чертах воспоминаниях участников этого заседания. «После обсуждения в Совете вопроса о правах солдат и организации гарнизона, — писал А. Г. Шляпников, — все принятые решения были принесены в Исполнительный комитет для окончательной обработки и редактирования. Всему паличному составу членов Исполнительного комитета пришлось еще раз обсудить все выдвинутые предложения... После обмена мнений по существу предложенных мероприятий по организации казармы и обеспечению прав солдата решили объединить их в одно целое и опубликовать в виде приказа. Составление и редактирование приказа поручили группе товарищей, членов Исполнительного комитета, работавших в Военной комиссии, и солдат, делегированных в Исполнительный комитет». Далее Шляпников сообщал, что Н. Д. Соколов под диктовку членов комиссии написал проект приказа и зачитал его в Исполкоме и что «ни одного принци-

---

⁸ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 73, д. 2, л. 3—11.

ального возражения не было высказано в этот день».⁹ Примерно такая же картина прохождения приказа через Исполком воспроизведена в воспоминаниях А. Н. Падерина: «В составлении и редактировании приказа № 1 я принимал самое активное участие. Как сейчас помню, когда Исполком принял по требованию солдат — членов Исполкома — решение об издании к гарнизону особого обращения, выбранная для его редактирования комиссия, не дожидаясь окончания заседания Исполкома, немедленно удалилась в соседнюю комнату. Здесь Н. Д. Соколов, вооружившись пером, сел за стол, а мы, остальные члены комиссии, солдаты — Борисов, Падерин, Кудрявцев и др. — окружили его, и под их диктовку приказ № 1 был написан в какие-нибудь полчаса».¹⁰

Каковы же были причины, побудившие членов Исполкома из числа меньшевиков и эсеров — сторонников вручения государственной власти буржуазии — поддержать солдатскую инициативу в деле издания акта, вносящего радикальные перемены в положение армии и в этом отношении противоречащего интересам буржуазии? Надо полагать, что они пошли на такой шаг под влиянием политической конъюнктуры 28 февраля и 1 марта. Стремясь к установлению контактов с буржуазной оппозицией царизму в лице Временного комитета Государственной думы с тем, чтобы склонить его к образованию буржуазного кабинета, эсеро-меньшевистское руководство Петроградского Совета в то же время опасалось сделки думского комитета с царем в целях подавления революции. Поэтому лидеры Совета с большой тревогой и настороженностью отнеслись к попыткам думского комитета установить его безраздельную власть над гарнизоном, нашедшим выражение в издании упоминавшегося выше приказа М. В. Родзянко. На пленуме Совета рабочих депутатов 28 февраля приказ Родзянко был расценен как контрреволюционный акт, даже правые меньшевики подвергли его резкой критике. Перед лицом этой правой опасности меньшевики и эсеры и были вынуждены пойти на меры, зафиксированные позднее в приказе № 1. При этом руководящая верхушка Совета не мыслила, конечно, объявления войны думскому комитету. Она стремилась прежде всего к тому, чтобы последний согласился образовать буржуазное правительство, а овладение гарнизоном и позволяло как раз лидерам Совета более прочно чувствовать себя на переговорах с думским комитетом.

После того как 2 марта между делегацией Исполкома Петроградского Совета и думским комитетом было достигнуто соглашение об образовании Временного правительства, отношение вождей Совета к приказу № 1 претерпело изменение. Вручив государственную власть буржуазному кабинету и ограничив

⁹ А. Шляпников. Семнадцатый год. Кн. первая. М.—Пгр., 1923, стр. 210—212.

¹⁰ А. Падерин. Письмо в редакцию. Пролетарская революция, 1924, № 8—9, стр. 401.

властные функции Совета «контролем» над ним, они по логике вещей должны были признать за правительством и полноту военной власти. Приказ же № 1 и особенно практика его применения солдатскими массами существенным образом препятствовали установлению власти Временного правительства в армии и флоте. Вот потому-то эсеро-меньшевистское руководство Петроградского Совета уже через несколько дней после издания приказа № 1 постаралось путем принятия приказов № 2 и № 3 ограничить его применение. А в дальнейшем вожди Совета изобразили дело так, что они вовсе не были причастны к изданию приказа № 1 и авторство этого документа приписывали исключительно пленуму Совета.

Исследователи, придерживающиеся второй точки зрения на историю появления приказа № 1, согласно которой приказ до его принятия пленумом Совета проходил через Исполком, полнее и точнее своих предшественников осветили обстоятельства создания этого документа. Однако отдельные положения и оценки этих авторов вызывают возражения.

Начнем хотя бы с утверждения В. И. Миллера о том, что избрание на пленуме Совета 1 марта 10 временных членов Исполкома от солдат было проведено для того, чтобы они отредактировали солдатские предложения, легшие в основу приказа № 1.¹¹ Обосновывая это утверждение, В. И. Миллер ссылается на следующие строки черновика протокола заседания Совета 1 марта: «[С]ок[олов]: от солд[ат] [в] И[сполнительный] к[омитет] 10, <7, 5> [человек]. Редактировать предложение». Но их сличение с другими местами черновика позволяет заключить о сомнительности такого толкования. Из имеющейся в черновике отрывочной записи заключительного постановления Совета по солдатским предложениям видно, что Исполнительному комитету поручалось «сегодня же» принять приказ и разослать его в воинские части. А члены Исполкома от солдат избирались, как указано в том же черновике и отчете «Известий» о заседании Совета 1 марта, временно на три дня.¹² Для чего же было устанавливать трехдневный срок полномочий новых членов Исполкома, если приказ постановлялось разослать «сегодня же»?

Далее. В. И. Миллер не принял в расчет последующие за цитируемым им выступлением Н. Д. Соколова строки черновой записи с указанием фамилий Баденко, Задорского, Падерина, Борисова, Шапиро, Кудрявцева и Линде. Что же это за группа лиц? Может быть, они — вновь избранные члены Исполкома от солдатской части Совета? Такое предположение отпадает, поскольку ниже в черновике имеется специальная запись с перечислением десяти членов Исполкома, избранных от солдатской

¹¹ История СССР, 1966, № 6, стр. 41.

¹² ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 73, д. 2, л. 10 об.; Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917 г., 2 марта, № 3.

части Совета, причем в ней не указаны Задорский и Шапиро.¹³ По всей вероятности, указанные семь лиц и были избраны в комиссию по редактированию приказа, и слова Н. Д. Соколова («Редактировать предложение») нужно понимать как указание на необходимость создания такой комиссии. Это предположение подкрепляется воспоминаниями Н. Д. Соколова, который писал, что комиссия по оформлению солдатских предложений в приказ была избрана пленумом Совета и что пленум уполномочил комиссию подписать документ от имени Совета.¹⁴

Имеются, однако, воспоминания, авторы которых отмечали, что комиссия по редактированию приказа либо совсем не создавалась, а редакционную работу провели члены Исполкома от солдатской части Совета (А. Д. Садовский¹⁵), либо создавалась, но не Советом, а Исполкомом (цитированные воспоминания А. Г. Шляпникова и А. Н. Падерина). Нам представляется, что этим свидетельствам, опубликованным спустя несколько лет после описываемых в них событий, следует предпочесть сведения, содержащиеся в черновике протокола заседания Совета 1 марта — документе, появившемся в ходе подготовки приказа № 1. При этом нет, видимо, оснований сомневаться в достоверности свидетельств упомянутых мемуаристов относительно того, что в комиссию входили вновь избранные на заседании Совета члены Исполкома от солдат.

Нельзя, по нашему мнению, согласиться и с Э. Н. Бурджаловым, который считает, что роль комиссии, избранной в связи с подготовкой приказа № 1, ограничилась оформлением в виде приказа постановления по солдатским предложениям, принятого Советом. Сопоставление текста постановления Совета с текстом приказа № 1 показывает, что в последнем содержатся отсутствующие в постановлении принципиальные положения о том, что воинские части в своих политических выступлениях подчиняются Совету рабочих и солдатских депутатов и солдатским комитетам, что солдаты в строю и при отправлении служебных обязанностей должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но «вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни... ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане», что отменяются вставание во фронт, обязательная отдача чести вне службы, титулование офицеров и что, наконец, воспрещается грубое обращение офицеров с солдатами, в частности обращение к ним на «ты», а в случаях обнаружившейся грубости офицеров и недоразумений между офицерами и солдатами последние обязаны сообщать об этом ротным комитетам. Конечно, все перечисленные пункты приказа были сформулированы комиссией на основе обобщения солдатских предложений, сделанных на пленуме Совета, однако

¹³ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 73, д. 2, л. 10.

¹⁴ Н. Соколов. Как родился Приказ № 1. Огонек, 1927, № 11.

¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1699, ч. 2, л. 269.

в заключительное постановление Совета они не вошли. С другой стороны, комиссия не включила в текст приказа содержащийся в постановлении пункт о направлении солдатских представителей в военную комиссию Государственной думы. Следовательно, роль комиссии далеко не ограничилась простым оформлением в виде приказа принятого Советом постановления.

Сомнительным кажется нам утверждение В. И. Миллера и Э. Н. Бурджалова, что отредактированный комиссией и санкционированный Исполкомом текст приказа № 1 был принят пленумом Петроградского Совета.¹⁶ Это утверждение базируется на единственном источнике — воспоминаниях А. Г. Шляпникова. Из других же мемуарных источников — воспоминаний Н. Д. Соколова и А. Д. Садовского — можно заключить об опубликовании приказа № 1 без утверждения его окончательного текста пленумом Совета. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что ни в черновике протокола заседания Совета 1 марта, ни в газетном отчете о нем, помещенном в «Известиях», нет никаких сведений о санкционировании приказа общим собранием Совета. Вероятно, к тому времени, когда комиссия окончила работу по составлению приказа, депутаты Совета уже разошлись по домам.

В нашей литературе существуют расхождения не только относительно истории создания приказа № 1, но и относительно его содержания. В частности, спорным является вопрос о наличии в тексте приказа (до его опубликования в «Известиях») пункта о выборности командиров. Еще в первом томе «Истории гражданской войны в СССР» указывалось, что в приказе № 1 «был и пункт о выборности командиров, но уже при печатании приказа в газете выборность распоряжением Соколова была снята».¹⁷ Это положение, перекочевавшее в труды многих историков, оспорил В. И. Миллер. Он отметил, что для возникновения подобной версии имелись известные основания, поскольку, по воспоминаниям современников, уже днем 2 марта появилось толкование приказа № 1 в том смысле, что он якобы содержал требования выборности военного начальства. Однако, проанализировав материалы заседания Совета 1 марта, «Справки о приказе № 1» Исполкома Петроградского Совета, воспоминания Н. Д. Соколова и некоторые другие источники, В. И. Миллер пришел к выводу, что приказ № 1 такого требования не содержал. Толкование же приказа в указанном смысле он объяснил тем, что современники ошибочно отождествили его с другим документом — обращением Межрайонного комитета РСДРП и Петербургского комитета социалистов-революционеров к солдатам, в котором солдаты призывались к выборам командиров.¹⁸

¹⁶ Э. Н. Бурджалов. Вторая русская революция, стр. 297; История СССР, 1966, № 6, стр. 43.

¹⁷ История гражданской войны в СССР, т. I. М., 1938, стр. 71.

¹⁸ В. Миллер. Из истории приказа № 1 Петроградского Совета. Военно-исторический журнал, 1966, № 5, стр. 109—113.

Нам все же представляется, что аргументация В. И. Миллера неубедительна и что до опубликования приказа в его тексте действительно мог содержаться пункт о выборности командиров. В. И. Миллер не учел тенденциозности свидетельств авторов справки и Н. Д. Соколова, как лиц заинтересованных, целью которых было отвести обвинения по своему адресу в «разложении армии». Весьма искусственным выглядит предположение, что современники перепутали приказ № 1 с листовкой, выпущенной межрайонцами и эсерами. Вряд ли современники (в том числе и члены руководства Совета) могли принять документ партийных комитетов за советский документ. На такую мысль Миллера натолкнуло, видимо, упоминание о листовке в «Справке о приказе № 1», но в справке ничего не сказано о том, что имело место отождествление приказа № 1 с обращением межрайонцев и эсеров.

Вместе с тем В. И. Миллер упустил из виду источники, которые, хотя и косвенно, но достаточно убедительно свидетельствуют, что пункт о выборности командиров вполне мог содержаться в приказе № 1. Мы имеем в виду материалы пленума Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 2 марта — черновик протокола заседания Совета¹⁹ и отчет о заседании, помещенный в газете «Известия» от 3 марта 1917 г. Из них видно, что Исполком Петроградского Совета не только был осведомлен о солдатском требовании выборности командного состава, но даже выставил это требование во время переговоров с думским комитетом относительно образования Временного правительства, проходивших в ночь на 2 марта. В докладе Ю. М. Стеклова об итогах переговоров с думским комитетом читаем:²⁰ «[Мы] требовали, чтобы армия [строилась] на началах самоуправления — сами выбирали начальников, [создавали] союзы, корпорации».

Вполне логично предположить, что требование выборности командного состава армии появилось в перечне условий, предъявленных делегацией Исполкома думскому комитету в связи с подготовкой приказа № 1. А ведь члены Исполкома от солдатской части как раз входили в комиссию по составлению текста приказа № 1, и трудно объяснить, каким бы образом требование выборности командиров попало в программу Исполкома, если соответствующий пункт отсутствовал бы в наметках приказа № 1. Практически исключено, что столь радикальное требование появилось в программе по собственной инициативе соглашательского большинства Исполкома, поскольку оно не согласовалось с его общей линией предъявления думскому комитету «умерен-

¹⁹ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 73, д. 3, л. 5—21 об.

²⁰ Черновик протокола заседания Совета 2 марта представляет собой написанный карандашом текст, местами угасший или стертый, с пропущенными и недописанными фразами и словами. Нами произведена расшифровка указанного черновика. О приемах расшифровки см.: Ю. С. Токарев. Протоколы общих собраний, заседаний секций, Исполнительного Комитета и бюро Исполкома Петроградского Совета рабочих

ных» требований с тем, чтобы не «оттолкнуть» буржуазию от власти.

В ходе переговоров делегации Исполкома с думским комитетом последний отверг требование выборности, а делегация из боязни сорвать намечавшееся соглашение об образовании буржуазного кабинета сняла его. В докладе Ю. М. Стеклова по этому поводу было сказано следующее: «Но [предложение] — ввести выборных начальников [там], где [солдаты удалили] неисправимых офицеров, — [думским комитетом] отвергнуто. [Они] сейчас же признали, [что это] органически противоречит их понятиям об армии... Верил Львову, [представителю] правого октябристского центра, сказавшему в принципе, что самоуправляющаяся армия бессильна обеспечить интересы [обороны]. Верно. Возразить нельзя. В мирное время [это было бы возможно], а у нас силы [на фронте]. Избрание высших офицеров не [встречает возражений, по] не во время войны. [Выборы] вызовут раскол. Это приведет к расколу и на фронте. В траншеях организация единовременно проходящих выборов с ефрейтора до полковника [займет] в армии 2—3 недели. [Начнется] дезорганизация. Немцы [возьмут нас] голыми руками... Тогда устроить [может быть, выборы в] Петроградском революционном гарнизоне, [где солдаты более] сознательны? Да, [по этому вопросу мы] заколебались, [но потом решили, что это] невозможно. Не давая [право выборов] на фронте, [мы вызовем] возмущение».

Снятие делегацией Исполкома требования о выборности командного состава и послужила, по всей вероятности, главной причиной того, что соответствующий пункт был изъят из подготовленного текста приказа № 1. Так, в результате капитуляции руководящей верхушки Совета перед думскими деятелями не получило признания одно из радикальнейших проявлений самодеятельности солдатских масс в области демократизации армии.

и солдатских депутатов (март—апрель 1917 г.). Вспомогат. истор. дисциплины, I, Л., 1968, стр. 151—159.